

ЗА РОДИНУ!

ЗА ПОБЕДУ!

ВАЛЕНТИН

РАСПУТИН

ЭТИ ДВАДЦАТЬ УБИЙСТВЕННЫХ ЛЕТ
БЕСЕДЫ С ВИКТОРОМ КОЖЕЯКО

За Родину! За Победу!

Валентин Распутин

**Эти двадцать убийственных лет.
Беседы с Виктором Кожемяко**

«Алисторус»

2015

УДК 355/359
ББК 63.3

Распутин В. Г.

Эти двадцать убийственных лет. Беседы с Виктором Кожемяко /
В. Г. Распутин — «Алисторус», 2015 — (За Родину! За Победу!)

Беседы публициста Виктора Кожемяко с выдающимся русским писателем Валентином Распутиным начались более двадцати лет назад, в роковые дни 1993-го, после расстрела Дома Советов. За эти годы Россия переносила нескончаемые трагедии и утраты. Усугубляла испытания и собственная судьба Валентина Григорьевича... Эта книга стала завещанием великого писателя. Он придавал ей исключительное значение, потому что вложил в нее самое важное, когда вместе со страной переживал свалившиеся на Россию неслыханные беды. Это исповедь необыкновенного человека, для которого дороже Родины не было и нет ничего на свете. Он и нам всем завещал эту любовь.

УДК 355/359
ББК 63.3

© Распутин В. Г., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Последняя книга великого писателя	6
Эти двадцать убийственных лет. Вместо вступления	7
Глава I. После расстрела на Краснопресненской	8
Нет, не кончено с Россией...	8
Не тот победитель?	16
«Всю жизнь я писал любовь к России»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валентин Распутин, Виктор Кожемяко

Эти двадцать убийственных лет.

Беседы с Виктором Кожемяко

© Распутин В. Г., 2015

© Кожемяко В. С., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Последняя книга великого писателя

Горестная весть об уходе Валентина Григорьевича Распутина прозвучала утром 15 марта 2015 года – в день 78-летия великого русского писателя. Несколько часов не дожидаясь...

Я знал, что накануне он опять попал в больницу. Последние три года, увы, это происходило регулярно. Вот и наша работа над этой книгой, продолжавшаяся почти два десятка лет, прервалась из-за резкого ухудшения его здоровья.

– Уже не могу, трудно, – сказал он тогда.

Трудно было и раньше. Жить безмерной болью за родную страну и делиться самым заветным с читателями, отыскивая единственно верные и точные слова, – это было бы тяжелейшим испытанием и для человека физически вполне здорового. А он таковым давно не был. Но знал, что его слова ждут, что оно необходимо людям, и, стиснув зубы, собрав все силы, преодолевая себя на грани возможного, становился и становился на это служение, чтобы продолжить труд, начатый в роковые дни 1993-го после расстрела Дома Советов.

Судьба усугубляла испытания. Гибель в авиакатастрофе Маруси, любимой дочери. Тяжкая болезнь и смерть любимой Светланы Ивановны, жены. Как только смог он, такой ранимый и впечатлительный, всё это перенести! И при том держать в голове свой долг, который сам он на себя возложил: работу над книгой про эти двадцать убийственных лет.

Она печаталась по мере рождения в газетах «Правда» и «Советская Россия», где только и могла в эти годы публиковаться. Стала главным делом его жизни на заключительном этапе. Стала его завещанием.

В сообщении о смерти было сказано, что последняя книга Валентина Распутина вышла в 2004 году – повесть «Дочь Ивана, мать Ивана». Но это неправда. Последняя вышла в 2011-м – вот эта, выдержав с тех пор несколько изданий. И он придавал этой книге исключительное значение, потому что вложил в неё самое важное для него, когда вместе с родной страной переживал свалившиеся на Россию неслыханные беды.

Да, вы открыли сейчас последнюю книгу великого русского писателя. Не роман, не повесть, не рассказ. Исповедь души необыкновенного человека, для которого дороже Родины не было и нет ничего на свете. Он и нам всем завещал эту любовь...

Виктор Кожемяко, член редколлегии газеты «Правда», член Союза журналистов и Союза писателей России

Эти двадцать убийственных лет. Вместо вступления

Более двадцати лет, с небольшими перерывами, вели мы эти беседы, итожа годы и происходившие в них события. За это двадцатилетие Россия пережила много что – и расстрел парламента, и смены президентской власти, и царство Березовского с Гусинским, и дефолт, и чехарду правительства, и принятие закона о продаже земли, и гибель «Курска», и парад олигархов на подиуме самых богатых людей планеты, и выборы, выборы, выборы... Выборы превратились в альфу и омегу нашего времени, в «единственное, что нам не изменит». В это двадцатилетие на земле и под землей пылали пожары, большие реки и малые ручьи с небывалым бешенством выбрасывались из берегов и шли на приступ человеческих поселений на севере и юге, на западе и востоке, урожаи сменялись недородом, каленые зимы вползали в неотапливаемые квартиры, падали самолеты... И продолжалась Чечня. А в мире, в мире идол российских демократов – Америка бомбила Югославию и покоряла Ирак, окружала Россию по былым ее окраинам военными базами, превращала дипломатию в грубые окрики и на скребла себе на хребет 11 сентября...

Словом, это двадцатилетие по насыщенности и трагичности событий вместило в себя столько, что хватило бы на целый век. Поэтому нам было о чем поговорить, куда ни взгляни, к чему ни прислушайся... Но теперь, когда мы собрали свои беседы вместе, под одну книжную обложку и в одну нить разговора, ступенчато поднимающуюся вместе с нами вверх от года к году, еще заметней становится, что это попытки обсудить и объяснить не столько сами события, сколько сопутствующую им нравственную сторону. От взрывчатки погибли тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей, но от порядка, презревшего честь и совесть, извратившего все нравственные законы народа, по гибли миллионы и миллионы, имевшие несчастье оказаться в России в самое неподходящее для жизни время. Да и взрывчатка – результат того же порядка.

Вспомним, что передача власти от первого российского президента из рук в руки второму российскому президенту состоялась при условии неприкосновенности первого. Парламент эту неприкосновенность вместе с царскими льготами утвердил специальным законом. Стало быть, ник то – ни сам первый, ни сам второй, ни парламент, ни общество – не сомневался в праве на «прикосновенность» и возмездие по заслугам. Если по закону как совести, так и буквы. А произошло по закону сделки. Он и сделался основным в нашем государстве и не намерен пока быть иным.

Читатель наверняка обратит внимание, что ни одна беседа не обошлась у нас без особого внимания к телевидению. А куда деваться: у кого что болит, отчего болит... Если выборы – альфа и омега, как было сказано, всякой непрочной власти, то телевидение – это не иначе как чума и холера на бедную Россию вот уже на протяжении свыше двадцати лет. Более грязного и преступного ТВ в мире не существует и не может существовать, ибо не находится больше желающих за государственный счет содержать огромную, хорошо вооруженную армию легальной организованной преступности, денно и ночно занятую нравственной и культурной стерилизацией народа. Результаты наяву: все меньше, к несказанной радости исполнителей, пахнет русским духом, духом культурного человека, все меньше Россия похожа на себя.

Есть ли польза от наших бесед, не мимо ли они ушей и душ, не впустую ли? Мы не обольщаемся большими результатами, вероятно, они меньше, чем хотелось бы, но и они будут кстати в той сумме, из которой должно складываться усиление России.

Валентин Распутин

Глава I. После расстрела на Краснопресненской

Нет, не кончено с Россией...

Виктор Кожемяко: Валентин Григорьевич, начну даже не с выборов в Думу. Начну с того, что до сих пор жгуче болит во мне, как, думаю, и в вас, во многих других наших соотечественниках. Имею в виду расстрел российского парламента. И самое поразительное: 4 октября при этом кровавом действе было, как известно, много зевак, а были даже и такие, которые после каждого выстрела аплодировали. Что это? Как, по-вашему, объяснить такую бездну нравственного падения? Ведь это все равно как если бы фашисты заталкивали в газовую камеру евреев, а «посторонние» антисемиты аплодировали или русофобы аплодировали бы при отправке в газовую камеру русских, «посторонние» антикоммунисты – коммунистов? Между тем даже такой, казалось бы, гуманист, как Булат Окуджава, в интервью «Подмосковным известиям» заявил об этом жутком, кошмарном зрелище, демонстрировавшемся по телевидению, буквально следующее: «Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним совершенно не было. И, может быть, когда первый выстрел прозвучал, я увидел, что это – заключительный акт. Поэтому на меня слишком удручающего впечатления это не произвело».

Валентин Распутин: Да-а... Что ж, в наше время уже трудно удивляться чему-нибудь, и все-таки подобное признание Булата Окуджавы, сделанное к тому же с явным удовольствием, поразительно. Есть люди, правда, с особой психикой, которым мучения жертвы доставляют физиологическое наслаждение, здесь что-то в этом же роде. Наши интеллигенты-гуманисты из «демократических» рядов вообще приобрели странное выражение души и сердца (лица тоже) – с печатью отнюдь не целебных чувств. Действительность всех нас не делает спокойными, но там уж совсем какое-то оголтелое неистовство! А ведь «победители»! – чего бы, казалось, из кожи выскакивать, беса в себя гнать: твоя взяла, будь теперь великодушен к тем, кто еще не дорос до высоты твоего ума и широты твоего сердца. Но оттого-то, видимо, и беспокойство, оттого-то и нервозность, и эти постоянные подпрыгивания, будто пятки поджаривают, что несправедливое дело, которое привело их сторону к успеху, долго не устоит и они не могут этого не чувствовать.

Что касается радостной реакции зевак на расстрел «Белого дома», выражения восторга, если снаряд попадал в цель и кто-то в эти мгновения расставался с жизнью, кто-то начинал мучиться в ранах, – нет, это уже не зеваки, а действующие лица. Приходится признать, что из нашей молодежи не просто создается нечто с неясными результатами, а уже создан тип человека, совершенно новый, какого раньше и быть не могло. Тип человека безжалостного, циничного, поклоняющегося госпоже удаче, ради которой пойдет на все. Если уж Булату Окуджаве кровь сотен безоружных и безвинных людей виделась спектаклем, великолепно поставленным действием, то для них тем более. На огромном уличном экране они были зрителями того, во что постоянно окунаются на экране телевизионном и что притупило и атрофировало боль, сострадание и чувство справедливости. Сюжет «постановки» был крутым, события развивались без нравственных «соплей», в действии присутствовали неожиданные повороты, положенное число жертв должно было без обмана стать жертвами, знакомая московская обстановка еще больше щекотала нервы – им это нравилось. Так их воспитали в последние семь-восемь лет телевидение, газеты, общественное мнение. Эти еще оказались в положении зрителей, причем вроде поневоле, а такие же, как они, героически действовали – посылали снаряды, били из снайперских винтовок, орудовали дубинками. Физическое убийство сотен (а может быть, тысяч) наших братьев и сыновей, пришедших защищать законность и справедливость, стало

возможным в октябрьские дни лишь потому, что еще раньше произошло моральное растление и убийство миллионов.

Юрий Власов считает, что мы потеряли не одно, а, вероятно, два-три поколения молодежи. Потеряли притом в окончательном смысле, делая их врагами исторической и национальной России. Как бы хотелось, чтобы он ошибался! Я не могу с ним полностью согласиться, уповая, без особой, впрочем, опоры, на саморегуляцию хватившего лиха народа, на чудесное спасение, которое, может быть, послано из прошлого, на нашу собственную работу, но то, что перерождение свершается быстрее, чем предполагалось, и что воспитательная мина заложена надолго, сомнений не вызывает. Порядки, введенные ныне в России... знаете, сказать, что благоприятствуют нравственной и духовной мутации человека, значит, ничего не сказать. Это просто фразы, набившие оскомину, несмотря на свой верный смысл. Кричать – тоже не докричишься. Но, когда десятилетние девочки толпами высыпали на панель, а двенадцатилетние принялись рожать, и все это считается в правилах свободного демократического государства, – да пропади оно пропадом, это государство, и мы вместе с ним, если мы позволяем себе мириться с такими порядками! Достоевский говорил только об одной слезе ребенка, которой недостойно благополучие всего мира, а тут море слез и восторг по поводу их «свободного» истечения.

– Хотелось бы услышать ваше мнение, мнение большого русского писателя, о положении, в котором оказалась Россия после октября нынешнего года.

– Победы президента и правительства тут не было – было, напротив, жестокое поражение. Какая может быть победа в войне с собственным народом, в показательном убийстве защитников Конституции и законности! Полководческое искусство в этой войне Ерина и Грачева, так же, как искусство Суворова и Кутузова, добывавших прежде славу русского оружия, останется в веках, но только совсем в другом ряду.

Президент на то и президент, правительство на то и правительство, чтобы в междоусобных конфликтных ситуациях находить выход мирными средствами. Если бы даже противная сторона была не права. Но причина конфликта не в этом, а, как хорошо виделось невооруженным глазом, в стремлении президента к единоличной власти. Запад в лице руководителей «силовых» государств, поддержавших Ельцина, поддержал, в сущности, не столько его действия, сколько свое прежнее реноме и желание навсегда исключить Россию из числа стран, имеющих авторитетную самостоятельную политику. Общественное мнение Запада увидело в октябрьских событиях присущее России дикарство, возглавляемое в настоящее время, естественно, главой государства. Сейчас, я думаю, в лагере «победителей» довольно интересная ситуация. Связанная одной кровью, президентская команда, как никогда, казалось бы, должна быть плечом к плечу. Но это только на слишком доверчивый взгляд. Хотя в нашей стране позволено все, но народное мнение все еще существует, и с кровью оно не согласится, сколько бы телевидение ни убеждало, что это кровь нечестивых. Едва ли стоит сомневаться, что частью экранные, частью закулисные лица ведут теперь хитроумные расчеты, как и когда сделать из президента козла отпущения. Другого выхода, если они собираются играть прежнюю роль, у них нет. Или диктатура, при которой и им по закону всякой диктатуры не сносить голов, или это. Но для этого нужна подходящая кандидатура, чтобы при ней волки по-прежнему оставались волками, а овцы овцами, то есть богатые при своих интересах, а бедные при своих.

Выборы, по замыслу, скорей всего и должны были представить наследника престола. Он, бесспорно, пришел, но... с конфузом для своей партии. В выборы вмешались октябрьские события. О, они еще долго будут вмешиваться в нашу политическую жизнь! Жириновский ни от кого не увел голоса (разве что самое незначительное число у правительственных партий), но своими зажигательными речами он привел на избирательные участки тех, кто не собирался туда идти, справедливо видя в себе материал для политических игр. Правительственный радикализм (если этим термином можно заменить жестокость так называемых реформ и жестокость

нравов) заставил голосовавших за Жириновского выбрать самую радикальную из представленных предвыборных программ. Этим прежде всего нужно объяснять успех Жириновского, а не искать сдуру в народах России фашистское сознание: что оскорбительно, во-первых, для народов, а во-вторых, уж очень явно выдает в любителях подобных умозаключений породу бешеных, общение с которыми опасно даже через телевизор.

Нет, с Россией прощаться рано. Помню, несколько месяцев назад, еще до ельцинского октября, Владимир Максимов, замечательный русский писатель и здравомыслящий человек, вынужденный двадцать лет жить в Париже, воскликнул в последнем отчаянии от происходящего у нас, что ему ничего не остается, как по прощаться с Россией, ибо новые правители ее погубили окончательно. Но ведь и Максимилиан Волошин в 1918 году с не меньшим отчаянием произнес знаменитое «с Россией кончено...». А она выжила. Не может быть, чтобы не выжила и теперь. Насколько бояться ее, начинающую пока полубессознательно стряхивать с себя оцепенение и дурман, я увидел (все мы увидели) на недавнем празднике встречи «нового политического года» в Кремле, когда стали поступать результаты голосования из восточных районов и торжество, с самого начала напоминавшее шабаш гоголевских персонажей на Лысой горе, превратилось в позор с паническими и злыми выкриками.

– Следующий мой вопрос такой: вы в свое время когда-то, еще будучи народным депутатом СССР, помнится, предлагали, чтобы Россия вышла из состава Союза. А как теперь относитесь к распаду великой державы, к беловежскому акту и его последствиям?

– Мои слова тогда были не совсем верно поняты. Вернее, остались в памяти одним только этим заявлением, а ведь за ним следовало предостережение: не дай Бог доводить дело до полного разрыва. Мои слова о выходе прозвучали после того, как буквально две недели подряд раздавались угрозы из Закавказья, Прибалтики, Молдавии освободиться от союзного ярма, причем с поношениями в адрес русского народа, который, можно было понять, всех объедает за общим союзным столом и жирует не по трудам. Тогда я и поднялся: зачем же пугать-то? И Россия может выйти из Союза. Выйдет и не пропадет. Не забывайте, что 70 миллиардов российских средств ежегодно перекачивалось в бюджеты союзных республик, что грабили в первую очередь русского человека.

– 70 миллиардов рублей отдавала Россия другим республикам, да?

– Да. Из своего бюджета Россия передавала в бюджеты союзных республик, а в то время это были огромные деньги. Можно было и дороги построить, и жилье, и хлебное поле обиходить. Да и теперь Россия передает в страны СНГ 17 миллиардов долларов. Тогда – во имя братской дружбы, теперь – во имя добрососедских отношений. А дойная корова все та же – Россия. В чем, спрашивается, выгадали?

Нет, не разваливать надо было Союз по планам американских специалистов-советологов, с голоса которых действовали отечественные расчленители, заходясь в требовательной истерике, а держаться вместе. Отпустив на волю вольную, разумеется, тех, кто свою совместную жизнь с Россией считал невозможной. Но и здесь прислушиваясь к мнению народному, а не к мнению национал-расплевательства. Держаться вместе до тех пор, пока произойдет общественное отрезвление, поскольку в горячке да во взаимных обличениях разумного решения быть не может. А там – как будет соизволение Божье и народное. Но именно отрезвления-то и боялись. Вообще вся перестройка, перекройка, перетряска творились в неимоверной спешке, горячке, в возбуждении и опьянении, в мстительной запальчивости и угаре, как будто дело касалось не великого государства, имеющего тысячелетнюю историю, а умыкнутого с чужого веза достояния. В том, как происходил раздел, было что-то разбойничье, воровское, неприличное – скорей, скорей, чтобы не спохватились и не вернулись к месту преступления. Когда-нибудь историки постараются разгадать этот удивительный феномен: как мелкие жулики с легкостью провели мирового масштаба сделку, превратив нас всех в жертвы своих политических манипуляций.

Что выиграла от раздела Россия? Потеряла свои исторические земли, оставила «за границей» как заложников десятки миллионов русских, обратила дружеские чувства в ненависть к себе, разбила великое множество судеб и вдобавок еще выплачивает контрибуции, как потерпевшая поражение в войне.

– А вот как вы считаете, что нашему обществу надо делать теперь? Известно, Солженицын предложил свой проект «Как нам обустроить Россию». Понимаю, обустройство государства – дело в первую очередь не писателей, а политиков, но все-таки каковы ваши мысли на этот счет?

– Прежде всего, не допустить дальнейшего развала России. Как это сделать с теперешним правительством, способным на любой ферт, я, право, не знаю. Пока не будет правительства, защищающего национальные интересы России, надежды невелики. Пока не придут к власти государственники, подобные Столыпину и Витте, и приоритеты собственного народа не обладают над приоритетами чужих корыстных замыслов, ничего хорошего ждать нельзя.

Это начало начал – власть национального доверия. Россия, свалившись в заготовленную для нее яму, ушиблась жестоко, переломала кости, в ее теле травма на травме, но – не убилась, поднять ее можно. Антинародная политика властей привела к тому, что не только стали растаскивать государственные богатства, но и принялись уходить из государства люди, притом в массовом порядке. Я имею в виду не эмиграцию в Америку или Израиль, а устранение от своих обязанностей по отношению к государству, то есть эмиграцию внутреннюю. В избирательных списках эти люди присутствуют, но из агонизирующего государственного организма они вышли и живут только своими интересами, занятые собственным спасением. Это граждане автономного существования, сбитые в небольшие группы, сами себя защищающие, сами себя поддерживающие материально и духовно. Это как старообрядцы в прежние времена, не желающие мириться с чужебесием нового образа жизни. Если бы удалось вернуть их на государственную службу, а для этого надо, чтобы власть признала и сказала им, что России без них нет, когда они убедятся, что положение меняется и государством управляют патриоты, то не смогут не влиться в самую деятельную и здоровую силу. Народ силен подъемным, восходительным настроением, появившейся перед ним благородной целью. В России больше 80 процентов русских, надо, не боясь национализма, обратиться к их национальному чувству. От национализма культурного, озабоченного воспитанием народа в лучших (в лучших!) национальных традициях, никому опасности быть не может. Напротив, это – сдерживающее начало от агрессивности, которая сейчас, к несчастью, поразила весь мир. Что плохого, если мы учим: нельзя мне поступать дурно, ибо я русский.

– В этом ваш национализм?

– Именно. В конечной цели. Подменять национальную идею фашизмом, как это делается сплошь и рядом, могут лишь люди злонамеренные, заинтересованные в окончательной гибели России. Народная идеология не может быть фашистской, тут сознательное передергивание карт, и далеко не безобидное для народа. Надо ли о нем, о народе, заботиться, опускаться даже до ложных поклонов перед ним, если он, за исключением небольшого просвещенного меньшинства, фашиствующий? Шкуру с него вон! Но знают ли господа, заправляющие политической кухней, насколько опасно блюдо, изготовлением которого они постоянно заняты, – национальное унижение?

– Да, вот и в первом же номере «Московского комсомольца», вышедшем после выборов, читаю опять некоего Михаила Гуревича: «А чему вы удивляетесь? Что какая-то часть русского народа купилась на невыполнимые обещания, на популизм чистейшей воды? Ну а чего же вы ждали от народа, издавна развращенного то татарским игом, то крепостным правом, то большевистской уравниловкой? От людей, давно разучившихся работать...»

– Да, знакомая песня... На галеры его, этот народ, если он перестает плясать под дудку политической режиссуры, если он, такой-рассякой, не понимает, для чего он существует! А

потом и совсем от него избавиться. Методы массовой стерилизации, или как это еще называется, есть, история ими полна. А в Россию на его место «цивилизованный» народ из Европы, Турции, Китая, Кореи. Хватит дикость разводить! У Достоевского есть как нельзя лучше подходящие нашему моменту слова: «Как же быть? Стать русским во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским – значит перестать презирать народ свой... Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний».

Фактор национальной униженности уже сыграл свою роль на выборах. Пока в пользу Жириновского, который сумел использовать этот козырь. Национальная униженность – это ведь не только предательство национальных интересов в политике и экономике и не только поношение русского имени с экранов телевидения и со страниц журналов и газет, но и вся обстановка, в том числе бытовая, в которой властвует, с одной стороны, презрение, с другой, уже с нашей, – забвение. Это и издевательство над народными обычаями, и осквернение святынь, и чужие фасоны ума и одежды, и вывески, объявления на чужом языке, и вытеснение отечественного искусства западным ширпотребом самого низкого пошиба, и оголтелая (вот уж к месту слово!) порнография, и чужие нравы, чужие манеры, чужие подметки – все чужое, будто ничего у нас своего не было. Я недавно чуть не расплакался, посмотрев в Театре имени М. Ермоловой «Бедность не порок» в постановке Владимира Андреева. Как «за границей»: русский дух, русская речь, русский взгляд на русского драматурга, прекрасная игра актеров – это было чудо! А много ли в Москве таких театров? Еще Малый, МХАТ Татьяны Дорониной – и обчелся. Провинция, как правило, смотрит на Москву.

– *Может, связанный с этим вопросом и другой. Вот недавно Григорий Бакланов, выступая по телевидению, сказал буквально так: Валентин Распутин связался с самыми темными силами. Как вы относитесь к подобным обвинениям в ваш адрес, которые раздаются довольно часто?*

– Надо полагать, тем самым Григорий Бакланов связал себя со светлыми силами. Но отчего ж тогда от этого «света» так гадко, мрачно, грязно и отвратительно, голодно и холодно вокруг? Отчего даже сами «светоносцы» бегут от созданного ими сияния куда подальше? Может быть, это объяснит Григорий Бакланов? Я, в отличие от него, окраску не менял и сегодня говорю то же, что говорил всегда, только более откровенно. В свое время мы с ним вместе добивались этой откровенности, но, как выясняется, с разными целями. Дело, разумеется, не во мне лично, а в дискредитации имен, не пошедших на поводу у заводил нового порядка, при котором требовалось стать предателями по отношению к своим предкам, отдать за мелкую монету все, что они создавали и ценили веками.

Я не могу, не умею быть нетерпимым к любому национальному чувству, если оно не диктует себя всем, так почему же считается преступлением мое национальное и патриотическое чувство? Господь, создавая народы, каждому вручил свой голос, свое лицо и обряд – так и давайте, не мешая, а только обогащая друг друга, пользоваться ими во имя исполнения данных нам заветов.

– *Задам вопрос, может быть, нарочито примитивный и прямолинейный на первый взгляд: а зачем нужен патриотизм? Многие ведь считают, что такого чувства просто не должно быть, или ставят знак равенства между патриотизмом и фашизмом. Смысловое понятие фашизма сейчас вообще, по-моему, размыто. Называют фашистами и патриотов, и людей, просто говорящих что-то о национальных интересах...*

– Зачем патриотизм? А зачем любовь к матери, святое на всю жизнь к ней чувство? Она тебя родила, поставила на ноги, пустила в жизнь – ну и достаточно с нее, дальше каждый сам по себе. На благословенном Западе почти так и делается, оставляя во взрослости вместо чувства кой-какие обязанности.

Любовь к Родине – то же, что чувство к матери, вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу на свете. Родина дала нам все, что мы имеем, каждую клеточку нашего тела, каждую родинку и каждый изгиб мысли. Мне не однажды приходилось говорить о патриотизме, поэтому повторяться не стану. Напомню лишь, что патриотизм – это не только постоянное ощущение неизбывной и кровной связи со своей землей, но прежде всего долг перед нею, радение за ее духовное, моральное и физическое благополучие, сверение, как сверяют часы, своего сердца с ее страданиями и радостями. Человек в Родине – словно в огромной семейной раме, где предки взыскуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он – духовный оборвыш, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своем Родину, не запутается, не опустится, не озверееет, ибо она найдет способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст.

Кто же в таком случае ненавистники патриотизма? Или те, кто не признает никакого другого рода, кроме своего, или легионеры нового мирового порядка – порядка обезличивания человека и унификации всего и вся, а для этих целей патриотизм, конечно же, помеха.

Мы, к сожалению, неверно понимаем воспитание патриотизма, принимая его иной раз за идеологическую приставку. От речей на политическом митинге, даже самых правильных, это чувство не может быть прочным, а вот от народной песни, от Пушкина и Тютчева, Достоевского и Шмелева и в засушенной душе способны появиться благодатно-благодарные ростки. Меня обрадовало предложение русского певца из Австралии Александра Шахматова сделать 1994 год годом русской культуры и духовности, проведя массовые праздники духовности во всех крупных и не только крупных городах. Когда разойдется и разрастется свое, святое, ему легче будет противостоять грязи и сраму, которые обрушились на народ. Бесы делают свое дело, а мы будем делать свое – на том уровне, где живет народная душа.

– Валентин Григорьевич, очень большая тема – «Искусство и политика», «Искусство и власть». В свое время, как известно, вы были депутатом союзного уровня, и Горбачев даже пытался вас приблизить к себе, брал в зарубежные поездки. Между тем у известного критика Владимира Лакишина есть такие слова: «Искусство в точном смысле слова гибнет и вянет, когда политика прижимает его к груди». Что вы думаете по этому поводу?

– С Лакшиным надо согласиться, конечно. Тут есть правда. Вообще искусству полезно испытывать некое сопротивление, и не только художественное. Я говорю не о цензуре, которая, как утюг, выглаживает все социальные морщинки, но обстановка, развивающая мускулы, действует, как это ни парадоксально, вдохновляюще. Не даете сказать, а вот скажу, несмотря на все ваши предписания, и скажу так, что читатель увидит больше, чем есть в словах.

Депутатскую службу я действительно прошел. Без предвыборной кампании, попал в квоту, которая отпускалась тогда для творческих союзов, и, скрепя перо и сердце, подчинился результатам голосования на писательском съезде. Затем Горбачев предложил войти в его президентский совет. Обстановка была роковая – кто кого, и я в конце концов согласился, рассчитывая, что, быть может, и от моего голоса что-то будет зависеть. Нет, это «хождение во власть» оказалось почти безрезультатным, политика делалась там не списочными, а тайными советниками, я убедился в этом очень скоро. Впрочем, и сам президентский совет не задержался, и я воспринял это с облегчением.

И все же я не жалею, что заглянул туда, куда удается заглянуть не всем. Пригодится. И уже не однажды пригождалось, когда удавалось угадывать события, которые, казалось, ничто не предвещало. Не могу похвалиться особым чутьем, но кой-какой нюх появился. Быть может, именно потому, что политика – действительно дело грязное, а у меня к такого рода цвету чувствительность повышенная. И посмотрите на нынешних придворных писателей. Можно даже не заглядывать в август 1991 года, когда наперегонки, закладывая своих недавних товари-

щей, они бежали раскланиваться перед новым хозяином. Достаточно сентября-октября. Виктор Розов дал самый точный отзыв: такого холуяжа не бывало и во времена Сталина. Не бывало и во времена Ивана Грозного. Никогда не бывало. Это уже коллективное «произведение» демократического реализма невиданного размаха. Сначала съезжаются на дачу президента, чтобы высокоинтеллектуальным мнением уговорить его не церемониться со своими политическими противниками. Затем смотрят на дело рук своих по телевизору, наслаждаясь кровавой расправой, как детективом. Но и этой крови мало. Карать так карать! После бойни сочиняется коллективное письмо с требованием ни в коем случае не миловать оппозиционную печать и общественные партии. «Эти тупые негодяи уважают только силу!» – заявлено ими, и такой глубины и высоты слово не удавалось сказать ни Шекспиру, ни Толстому. Это уже высь поднебесная.

И не два, не три автора подписываются под «поэмой», опубликованной в газете «Известия» 5 октября под названием «Писатели требуют от правительства решительных действий», а 42. 42-м оказался Виктор Астафьев.

– *Я хотел, кстати, спросить об Астафьеве. Особо. У вас ведь с ним особые отношения, вы были очень близки. Так вот теперь, после выборов, он в «Комсомольской правде» отозвался о своем народе как... о нелюдях. Понятно, когда Новодворская называет народ черным. А тут ведь крупный русский писатель... По-моему, даже глава правительства Черномырдин в «Труде» более достойно сказал о тех же итогах выборов: «Надо не народ обвинять, а признать собственные ошибки».*

– Да, мы с Виктором Петровичем Астафьевым принадлежали к одному литературному лагерю «деревенщиков», знаем друг друга хорошо. И все же, оказалось, не настолько хорошо, чтобы я понимал сегодняшнего Астафьева, а он, разумеется, меня. Теперешняя позиция Астафьева – его личное дело, и мне ее обсуждать не хочется. Похоже, это результат того, что не осталось у него опоры нигде – ни в душе, ни в человеке, ни в народе, ни даже в художественном слове, где мат на мате и понукает матом. Такому состоянию не позавидуешь.

– *Валентин Григорьевич, а как вы смотрите на сегодняшнее состояние нашей культуры, в том числе литературы? Что выделили для себя из последних произведений российских писателей?*

– Положение культуры всюду тяжело, а в некоторых местах по России трагическое. Оставленная без государственной поддержки, брошенная в рынок, как в дерьмо, вынужденная искать любые ходы, нередко неприличные, чтобы выжить, она уже не культура в прежнем своем высоком звании, а что-то жалкое, просящее подаяния, отрывистое. Надо ли говорить, что как раз сейчас-то, когда индустрия развращения человека работает с чудовищной силой, собственная культура как раз и могла бы быть хоть каким-то шлагбаумом, но уничтожают и ее. Хорошо еще, если где, как у нас в Иркутске, повезет с администрацией, которая худо-бедно, но помогает, а то ведь нередко без обиняков считают ее бесполезной. Посмотреть на нашу власть, она по всем статьям и приметам не собирается долго задерживаться, если совсем не заботится, какой сегодня воспитывается гражданин. Кому сейчас принадлежат театры, музеи, дворцы культуры, знаменитые оркестры, хоры, издательства, библиотеки, кто заказывает музыку, понять нельзя. Творческие союзы в агонии. Десятки тысяч писателей, актеров, художников, музыкантов, оставшись без спроса на свои таланты и не имея другой профессии, нанимаются в сторожа, дворники, высматривают спонсоров. Положение униженной ненужности. Ирина Архипова, используя свой авторитет, создала фонд для помощи молодым исполнителям, но ведь он почти единственный и многих ли он может поддержать?! На этом мрачном небосводе даже тусклая звездочка начинает радовать. Правда, появляются они не благодаря, а вопреки «культурной» политике государства, но все-таки...

В этом году заявил о себе российский читатель, начиная возвращаться к отечественной литературе. Он, вероятней всего, и не покидал ее, но, напуганный книжным бесстыдством,

стал искать чистое слово с той же потребностью, как кусок хлеба. Книгоиздатели это заметили, у них нюх на спрос особый, и... дай Бог, чтобы «процесс» и дальше пошел.

Из произведений последнего времени, точно и мастерски отобразивших нашу действительность, могу назвать повесть Владимира Крупина «Прощай, Россия, встретимся в раю» и повесть Леонида Бородина «Божеполье». Хозяевам нынешней жизни очень рекомендую книгу Ивана Шмелева «Солнце мертвых», написанную в начале двадцатых годов. Я задержался с ее чтением, но она и выпущена у нас недавно. Рекомендую, чтобы знали, как о них отзовется Вечность.

– *Раньше, Валентин Григорьевич, вы одно время довольно активно выступали с публицистикой, и даже одна из последних ваших крупных вещей, я имею в виду «Пожар», была по существу вещью публицистической. А почему в последнее время вы стали так редко выступать с публицистикой в прессе? Что, перестали верить в силу прямого вмешательства писательского слова в общественную жизнь?*

– Публицистика-то есть, но она, очевидно, расходуется по изданиям незаметно. Хотя что верно, то верно: думаю, что сегодня убеждать в своей правоте никого не надо, все разошлось по своим позициям, по своим местам, сама жизнь убеждает. Особенность нашего времени в том, что сейчас сытый голодного не просто не понимает, а ненавидит. То же самое: неправый ненавидит правого лишь за то, что тот прав, а он с правдой не в ладу, живет и рассчитывает жить по другим законам. Правда, понимается, всегда нужна, но она как бы и сама устает от своего многократного повторения. Поэтому иногда полезно помолчать.

– *В заключение хотел бы задать вопрос традиционный: над чем вы сейчас работаете?*

– Продолжаю книгу о Сибири. Первая ее часть вышла в издательстве «Молодая гвардия» два года назад. Сейчас все усложнилось не в десять, а в тысячу раз, любая поездка превратилась в проблему (в этой работе без поездок не обойтись), но как-нибудь... Не все разрушено, а в Сибири – тем более.

Декабрь 1993 г.

Не тот победитель?

Замечательный русский писатель Валентин Распутин стал абсолютным лауреатом международной литературной премии «Москва – Пенне».

Виктор Кожемяко: Валентин Григорьевич, решение жюри было для вас неожиданным? Или вы внутренне были к нему готовы?

Валентин Распутин: Неожиданным было все. И само выдвижение. (Выдвинул меня журнал «Наш современник», где напечатаны последние рассказы.) Узнав о «подаче» моей фамилии, я стал возражать, пробовал даже отозвать ее обратно, по двум причинам: малый «физический» вес предлагаемых на премию рассказов и неизвестное мне происхождение премии. Однако, когда мне разъяснили механизм ее присуждения, показавшийся чрезвычайно любопытным, махнул рукой: будь что будет. Тем более что в жюри оказались такие писатели, как Валерий Ганичев, Владимир Солоухин и Сергей Есин, которые не стали бы связываться с нечистым делом. (В состав жюри также входили Юрий Давыдов, Владимир Войнович, Евгений Сидоров – люди, настроенные далеко не в пользу Распутина. – *Ред.*)

Все остальное тоже было неожиданным. После того как жюри назвало трех лауреатов – Фазиля Искандера, Людмилу Петрушевскую и меня, наступил следующий этап присуждения. С помощью общественного жюри – четырехсот студентов и школьников старших классов – выбирали абсолютного победителя. Ребятам раздали наши тексты. Петрушевская на эту церемонию не пришла. Мы с Искандером отвечали на вопросы. Потом состоялось тайное голосование.

По его результатам я оказался впереди...

Мы склонны считать иногда, что молодежь, по крайней мере большинство ее, для России потеряна. Этот случай не может, разумеется, служить полным опровержением таких мыслей, но заставляет задуматься: а хорошо ли мы знаем свою молодежь? Это была приятная неожиданность. Уверен, что не только для меня, но и для всех размышляющих о будущем.

– Валентин Григорьевич, что сейчас происходит с нашей литературой? В каком русле протекает творческий процесс?

– Наша литература в очень тяжелом положении.

В условиях «дикого» рынка ей не выжить. Вообще вся культура государством брошена на произвол судьбы. За исключением той ее части, которая прислуживает власти...

Областные издательства по большей части погибли. Новые – коммерческие – гонятся «за конъюнктурой». Это или «постельная» литература, или литература насилия. Серьезные писатели за ненадобностью брошены. Деньги на издание книг приходится выпрашивать из милости. Издаются, как правило, юбиляры, их еще местная власть способна пожалеть. Это даже не литературный процесс. Это поминки по литературе. Немало талантливых художников прекратили писать. Выживают как могут – кто идет в истопники, кто в сторожа...

У писательских организаций нет денег, чтобы заплатить за отопление, за свет, за телефон... Мы не имеем возможности встречаться в «уставные» сроки – проводить пленумы, съезды.

Если что-то здесь и удавалось, то благодаря помощи местных руководителей, как это было в прежние годы в Орле, в Якутии.

Нынче не удалось совсем.

– Если уже состоявшиеся писатели живут так трудно, то что говорить о литературной молодежи. Не прервется ли здесь связь поколений?

– Как ни странно, смена есть. Новый приток идет. В этом году Союз писателей России проводил во Владимире семинар. Я, правда, там не был, но знаю – на удивление много талант-

ливых ребят участвовало в семинаре. Понимающих, что их ждет. Ведь для всех премий не создашь... Сознających, для какой службы существует литература.

Конечно, срочно нужна государственная политика спасения литературы и культуры в целом. А в программе министерства, довольно объемистой, кажется, решено спасти только цирк. О литературе министр, кстати, литератор, «забыл».

– *Валентин Григорьевич, что подсказывает ваше писательское «чутье» по поводу будущего России? К чему готовиться?..*

– Предыдущие события угадывались легко. Они еще были в пределах жизни. Сейчас происходит заколачивание России в гроб.

Она унижена и ободрана до последней степени. С народом уже не заигрывают, получив от него все, что нужно, отказываются его даже и кормить. Сравните обещания президента накануне выборов и во что они превратились после. Нашему народу придется отмаливать не только убийство царской семьи в 1918-м, но и переизбрание Ельцина в 1996-м. Если первый грех как грех народный еще сомнителен, то второй – нет. Получайте теперь в качестве одного из «отцов народа» Березовского. Проглотили – скоро вернется Гайдар. Затем Бурбулис, Козырев и иже с ними.

У меня впечатление, что народ сейчас откровенно вызывают на кровь. И приготовились к «умиротворению». Поэтому стихийные, «кипящие» выступления опасны, нужен всеобщий и организованный протест.

Говорят, что зима-97 будет холодной. Скорее всего – это будет горячая зима...

Кажется, нет никаких оснований для веры, но я верю, что Запад Россию не получит. Всех патриотов в гроб не загнать, их становится все больше. А если бы и загнали – гробы поднялись бы стоймя и двинулись на защиту своей земли. Такого еще не бывало, но может быть.

Я верю – мы останемся самостоятельной страной, независимой, живущей своими порядками, которым тыща лет. Однако легкой жизни у России не будет никогда. Наши богатства – слишком лакомый кусок...

– *Вы являетесь членом Координационного совета НПСР. Каковы, по-вашему, перспективы этого движения?*

– Другой позитивной силы нет. Правда, объединяться надо было значительно раньше. Тогда бы мы не оказались в таком тяжелом положении. К сожалению, патриоты долго выясняли, кто из них главнее. Нужно прежде всего спасти Россию, а потом разбираться в чистоте идей и помыслов. Слава Богу, сейчас это стали понимать. Приходится соглашаться: пока доберешься до русской соборности, надо перейти через тысячу вздорностей. Но уж если миновали их (а кажется – миновали), то теперь нет другого выхода, как держаться вместе до конца.

– *Валентин Григорьевич, не так давно при президенте создан новый орган – Совет по культуре, куда вошли многие «уважаемые люди» типа Марка Захарова...*

– Других и представить там нельзя. Это люди, которые подписали в свое время обращение к президенту, чтобы он расправился с оппозицией. Те, кто кричал: «Раздави гадину!» У президента других людей быть не может. Ждать от этого Совета помощи не приходится. Наоборот. Совет, в котором участвуют русофобы...

Культура, к которой благоволит сейчас власть, – это заемная, безнравственная, безнациональная развлекаловка, бесконечное и бесстыдное шоу во время чумы. Это с одной стороны. А с другой – издевательство, издевательство, издевательство над всем, что делает русского русским, что человека делает человеком.

– *В небольшом интервью обо всем не поговоришь. Завершая беседу, что вы можете сказать о главном – о Родине?*

– Родина – это прежде всего духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом «территория». Слишком многое в этом звуке!.. Есть у человека Родина – он любит и защищает все доброе и слабое на свете, нет – все ненавидит и все готов

разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рождения и до смерти согревающее нас тепло. Я верю: и там, за порогом жизни, согревающее – живем же мы в своих детях и внуках бесконечно. Бесконечно, пока есть Родина. Вне ее эта связь прерывается, память слабеет, родство теряется.

Для меня Родина – это прежде всего Ангара, Иркутск, Байкал. Но это и Москва, которую никому отдавать нельзя. Москва собирала Россию. Нельзя представить Родину без Троице-Сергиевой Лавры, Оптиной пустыни, Валаама, без поля Куликова и Бородинского поля, без многочисленных полей Великой Отечественной...

Родина больше нас. Сильней нас. Добрей нас. Сегодня ее судьба вручена нам – будем же ее достойны.

Почему русского писателя, ставшего лауреатом международного конкурса, «приветствовали» хамскими выпадами (комментарий журналиста)

Талант, конечно, от Бога. Но признание, оценка таланта – от людей. Если не заметят и не признают, то вроде и нет его.

А как оценить, чей талант «выше»? Ну, например, кто из писателей лучше написал?

Задача, прямо скажем, непростая, и таковой была всегда. Потому что разным людям нравятся разные. Одни, допустим, считали, что лучший поэт в России – Пушкин, другие (не менее убежденно!) – Бенедиктов. Время показало, кто был более прав.

Однако люди не хотят ждать, пока время рассудит. Они желают поскорее выставить оценки творцам. С этой целью и проводятся всякого рода конкурсы, назначаются разнообразные премии. От Нобелевской до Букеровской.

Можно ли рассчитывать при этом на какую-то объективность оценок? И насколько они точны? Мы знаем, бывает по-разному.

Меня обрадовало сообщение, что новая международная литературная премия по прозе «Москва – Пенне» присуждена выдающемуся русскому писателю Валентину Распутину. Я читал рассказы, за которые ему эта премия присуждена, – «В больнице» и «В ту же землю...». Опубликованные в прошлогодних номерах журнала «Наш современник», они многих глубоко взволновали талантом пронзительной человечности.

Словом, известие о премии Распутину вызвало чувство, которое нынче редко бывает: есть все-таки справедливость!

Увы, неомраченным отрадное это чувство оставалось очень недолго. В тот же день в другой газете – «Московский комсомолец» о факте присуждения премии я прочитал такое, что за писателя стало больно.

Оказывается, «Валентин Распутин был когда-то хорошим писателем, хотя последние его вещи убеждают в обратном». Кто считает так? Автор заметки Анна Ковалева.

Что ж, лично она может думать об этих последних «вещах» и о писателе в целом как угодно плохо. Не мешало бы, конечно, свое мнение мотивировать. Хоть вкратце. Но вот об этом автор нисколько не заботится! Бросив походя уничижительную полуфразу, начинает доказывать, что ничего хорошего от этого конкурса и ждать не приходилось.

Почему? Во-первых, «организаторы набрали в жюри людей известных, но друг с другом совершенно несовместимых: с одной стороны, Юрий Давыдов, Владимир Войнович и Евгений Сидоров, с другой – Валерий Ганичев, Сергей Есин, Владимир Солоухин». Я не понял, правда, чем это плохо. Казалось бы, наоборот – гарантия большей широты взглядов и, стало быть, большей объективности.

Ну, а во-вторых, возмутило коллегу вот что: из трех лауреатов, выбранных писательским жюри (ими стали Фазиль Искандер, Людмила Петрушевская и Валентин Распутин), «абсолют-

ного лауреата назвало общественное жюри». Это, по выражению автора «МК», «школьники, студенты Литинститута и пары-тройки других гуманитарных московских вузов».

Ох, тут уж раздражение недовольной журналистки дало волю язвительности и ехидству! «Профессиональное жюри, доверившись библейскому «уста́ми младенца глаголет истина», поручило непосредственным детишкам определить, кто же из трех классиков достоин стать абсолютным... Около четырехсот подростков постановили: «Валентину Распутину абсолютным быть».

Не правда ли, глуповатая рисуется картина? Какие-то детишки решают серьезный вопрос! В кон ложится и фраза «одной литературной дамы», которая по-своему объяснила сделанный выбор: «А что вы хотите? У Искан дера и Петрушевской толстые тома, а у Распутина – два маленьких журнальных рассказика. Что легче прочитать?» На что один из членов жюри «пошутил»: «Не спорьте с читателем! Читатель – дурак!»

Про студентов Литературного института, думаю, подробно говорить не надо: сами без пяти минут писатели. «Пара-тройка других гуманитарных вузов», студенты которых вошли в общественное жюри, – это оказались МГУ (факультет журналистики), Университет дружбы народов, МГИМО, то есть Институт международных отношений, Лингвистический университет имени Мориса Тореза и Московский педагогический университет имени В. И. Ленина.

Кто еще зачислен в «детишки»? Старшеклассники трех лучших столичных школ гуманитарного профиля плюс сто двадцать активнейших читателей одной из московских библиотек – люди совсем не детского и не подросткового возраста.

Вот такое оно было, общественное жюри из четырехсот человек. Что называется, очень репрезентативное. Но... «Московский комсомолец» предпочел этого не раскрывать. Как и много другого, относящегося к данному конкурсу.

Читатель «МК» даже не поймет смысл названия премии: «Москва – Пенне». А дело-то в том, что Пенне – это небольшой итальянский город, где уже много лет присуждается литературная премия прозаикам. При чем именно так: жюри писательское определяет несколько финалистов-лауреатов, а лауреата абсолютного из их числа называет общественное, читательское жюри. Думается, есть в этом немалый смысл: мнение писателей как бы подкрепляется мнением тех, для кого собственно они пишут.

Хороший опыт решено было использовать и с российским аналогом итальянской награды. Премия стала международной, российско-итальянской. В жюри, возглавленное министром культуры РФ Е. Сидоровым, кроме наших писателей, вошли итальянцы – в частности, известный славист, профессор Венецианского университета Витторио Страда.

Почему же обо всем этом раздраженная автор «МК» предпочла умолчать?

Понятно: стало бы еще яснее, что уровень конкурса, в котором победителем вышел Валентин Распутин, был высок.

Да, все это безусловно, было бы читателям рассказано (обязательно!), окажись победителем кто-то другой из трех финалистов. Распутин – не подходит. Не тот победитель!..

Грустно и противно, честное слово. Хотя, разумеется, ничего нового.

Прочитал в «Комсомольской правде», что ОРТ создает телевизионный документальный сериал «Жизнь замечательных людей». Очевидно, взамен знаменитой книжной серии советских времен... Кто же открыл этот телесериал? Кто признан самым замечательным? Конечно, Жванецкий. Какие тут могут быть сомнения! А следующий, естественно, Гердт...

Замысел сериала, между прочим, глубокий и глобальный: «От нас один за другим, безвозвратно, уходят актеры, поэты, художники – золотой фонд нашей культуры. Вот и решили: пока еще есть время, пока эти люди с нами, – рассказать о каждом из них. Закончить съемки предполагается в декабре 1999 года, в самый канун нового тысячелетия».

Из писателей персонажами сериала станут Василий Аксенов, Владимир Войнович, Фазиль Искандер, Андрей Битов, Белла Ахмадулина. Все громкие имена. Как и у открывших

телеэпопею писателя Михаила Жванецкого и артиста Зиновия Гердта. Однако Валентин Распутин по этому счету к золотому фонду культуры, наверное, не относится.

А судьи кто? Кто решает, кому быть «замечательными людьми»?

Продюсер Светлана Березина.

Не знаю, одна она это решает или вместе с Борисом Березовским, главным хозяином ОРТ. Но, может, и мнение других стоило бы спросить? Людей с разными мнениями! Тогда и круг замечательных на телевидении стал бы у нас более разнообразным. Ведь того же Валентина Распутина я не видел на телеэкране уже целую вечность...

Ноябрь 1996 г.

«Всю жизнь я писал любовь к России»

Виктор Кожемяко: Примите, Валентин Григорьевич, самые искренние поздравления с 60-летием. И простите, пожалуйста, что опять как бы пытаюсь вторгнуться в ваш внутренний мир: такая уж должность журналистская. Но ведь в самом деле, думаю, многим интересно то, о чем я хочу вас спросить.

Прежде всего – с каким настроением встречает писатель Распутин свой юбилей?

Валентин Распутин: С настроением, соответствующим 60 годам. Много, но делать нечего, будет еще больше. Одно утешает: через десять лет, если удастся их прожить, я стану вспоминать эту пору как молодеческую, подобную тому, как теперь вспоминаю свои 50. Того молодого человека, который когда-то с ужасом представлял себя сорокалетним, я уже не понимаю. Теперь я знаю, что наша профессия заставляет тратить во много раз больше психической энергии, чем человека любых других занятий, кроме, может быть, наших собратьев по искусству, поэтому если писателю дается возможность жить дольше, чем Шукшину, Вампилову, Рубцову, так это для того, чтобы он успел завершить свое незаконченное дело.

– Такая дата, как 60-летие, предполагает взгляд на прожитое и сделанное. Скажите, хотя бы коротко, что вы думаете в связи с этим?

– Сделано, если говорить о книгах, мало. Но это, во-первых, зависит от индивидуальных возможностей, я всегда работал медленно и по многу раз переписывал свои вещи. Сюда же нужно добавить еще и то, что я не умею писать по первому позыву (имею в виду замысел, начало работы) и жду «зачатия» какого-то нетерпеливого толчкового ощущения, требующего выхода наружу. И, во-вторых, я слишком много времени отдал так называемой общественной работе. Охрана памятников истории и культуры, Байкал, борьба против поворота северных и сибирских рек, борьба, борьба, борьба... Много из этого было необходимо, потому что речь шла о России, но вдесятеро больше пристегивалось к главному второстепенного, наваливалось только потому, что ты показал себя ломовой лошадкой.

Впрочем, это не только моя судьба, но и многих моих товарищей по литературе. Таково в России отношение к писателю. Стал известным, заметным – послужи-ка для дела мирского, будь ходатаем за правду. Во мнении народном это считалось второй необходимой обязанностью писателя. Литература у нас невольно рассматривалась в двух ипостасях – заявление своих гражданских и нравственных принципов в книгах и последующая активная защита этих принципов в жизни.

Одним я могу быть удовлетворен, оглядываясь на свой литературный путь: всю жизнь я писал любовь к России.

– Мне интересно вот что: считаете ли вы себя советским писателем? Все-таки основная часть вашего творчества приходится на советские годы. Как относитесь к понятию «советская литература» и как эту литературу оцениваете? В моем представлении, скажем, Шолохов и Леонов – писатели не только русские, но и советские.

– Я понимаю себя и всегда понимал все-таки как писателя русского. Советское имеет две характеристики – идеологическую и историческую. Была петровская эпоха, была николаевская, и люди, жившие в них, естественно, были представителями этих эпох. Никому из них и в голову не могло прийти отказываться от своей эпохи. Точно так же и мы, жившие и творившие в советское время, считались писателями советского периода. Но идеологически русский писатель, как правило, стоял на позиции возвращения национальной и исторической России, если уж он совсем не был зашорен партийно.

Литература в советское время, думаю, без всякого преувеличения могла считаться лучшей в мире. Но она потому и была лучшей, что для преодоления идеологического теснения ей приходилось предьявлять всю художественную мощь вместе с духоподъемной силой воз-

рождающегося национального бытия. Литературе, как и всякой жизненной силе, чтобы быть яркой, мускулистой, требуется сопротивление материала. Это не обязательно цензура (хотя я всегда был за нравственную цензуру или за нравственную полицию – как угодно ее называйте); это могут быть и скрыто противостоящие механизмы, вроде общественного мнения. К примеру, нынешнего, которое вора и проститутку считает самыми уважаемыми людьми и предателю воздает почести.

Кстати, советская цензура сделала Александра Солженицына мировой величиной, а теперешнее «демократическое» мнение, укорачивая Солженицына, сделало его, что еще важнее, величиной национальной.

– *А сегодняшнее мировосприятие русского писателя и гражданина России Валентина Распутина? Что в нем преобладает?*

– Преобладает то же, что и у большинства из нас, – боль за Россию, чувство омерзения к тем, кто под видом демократии завел в ней разбойные и бесстыднейшие порядки. Наша патриотическая оппозиция время от времени предлагает теневые кабинеты правительства – пора, я думаю, открыто назвать тех, кто в ближайшем будущем должен пойти под трибунал за тяжчайшие преступления перед Россией и ее народом. «Никто не забыт, ничто не забыто» – лозунг этот должен приобрести новый и взыскательный смысл, смысл справедливого возмездия. Хватит послушно и безвольно идти под уничтожение.

– *Отношения с читателем. Как их вы ощущаете сегодня? Что вообще могли бы сказать, исходя из ваших наблюдений, об отношениях читателей и литературы в сложившемся у нас сегодня обществе?*

– Надо, вероятно, сразу оговориться, что мы имеем в виду не того читателя, который питается нечистотами, – там ничего, никаких отношений с кем-либо, кроме физиологических испражнений, ждать не приходится. Мы говорим о читателе здоровых правил и здорового вкуса. О том, кто по-прежнему относится к литературе как к пище ума и сердца.

Да, читать стали намного меньше. Как-то вдруг, после взрыва читательского интереса в конце 80-х. И это «вдруг», этот сверхбыстрый и глубокий сброс интереса к книге говорит о неестественности этого явления, о каком-то словно бы испуге перед книгой. Именно испуг перед книгой и нужно считать одной из причин резкого падения числа читателей. Главная причина здесь, конечно, – обнищание читающей России, неспособность купить книгу и подписаться на журнал. Вторая причина – общее состояние угнетенности от извержения «отравляющих веществ» под видом новых ценностей, состояние, при котором о чем-либо еще, кроме спасения, думать трудно. И третья причина – что предлагает книжный рынок. Не всякий читатель искушен в писательских именах. А если даже искушен, – возьмет новую книгу любимого В. Астафьева, а там матерщина, чувство брезгливости к человеку, которого судьба занесла в коммунизм... Возьмет произведение автора с громкой фамилией Суворов, а в нем откровения о том, что не Гитлер напал на нашу страну в 1941-м, а мы вероломно напали на Германию. «Демократическая» критика уши прожужжала В. Ерофеевым, его «Русской красавицей» – и вот она перед читателем: ведь это же надо мужество иметь, чтобы не только читать, но и держать в доме подобное произведение. У читателя невольно складывается впечатление, что вся или почти вся литература ныне такова и лучше с нею не знаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.